

## **8. Политическое эхо событий в Грузии.**

Спровоцированная событиями в Тбилиси вспышка грузинского национализма напугала представителей других этносов и усилила этническую напряженность в Грузии. Один из очевидцев волнений (очевидно армянин) спустя месяц после событий - 13 апреля - отправил в Центральную ревизионную комиссию КПСС анонимное письмо - жалобу «на грузин». Повторяя распространенные в то время слухи, аноним рисовал ужасающую картину беспорядков - чуть ли ни массовое убийство русских и армян, трупы которых выбрасывали в Куру. Он пытался убедить московское начальство в полной политической неблагонадежности грузин и призывал власть («пока не поздно») «предателей родины расстрелять, а их детей и родственников сослать в Сибирь и содержать их в запретной зоне»<sup>1</sup>. Открещиваясь от имен Сталина и Берия, он готов был в этническом конфликте действовать теми же методами.

Однако проблема грузинского национализма и его связи с событиями марта 1956 г. обсуждалась не только на бытовом уровне. 23 мая 1956 г. на Президиуме ЦК КПСС обсуждался «Вопрос ЦК КП Грузии». Мжаванадзе всячески отбивался от обвинений в национализме. «Во время 5-9 марта не имеем ни одного случая национ[альной] вражды», - утверждал он, пытаясь переключить обсуждение на запущенную идеологическую работу. Однако Хрущев твердо держался

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.4442. Л.58, 85 (ч.2 отдельной нумерации) \*)

2 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.4442. Л.85 (ч.2 отдельной нумерации) \*)

темы: «Враждебных элементов меньше, почему они господствуют на улице? (Очевидно, намек на этническую солидарность грузин в ходе беспорядков. – В.К.). Берия расстрелял грузин не меньше, чем русских. Отдельные факты недружелюбного отношения между лицами разн[ых] национальностей». А в конце дискуссии припечатал:

«Вопрос исключительный. При Берии Грузия выпала из-под наблюдения ЦК ВКП(б).

Приусадебные участки большие.

Много Героев Соц[иалистического] Труда.

Машин в лич[ной] собств[енности] больше всего в Грузии.

Неправильная политика - давали больше Грузии.

Развит национализм <...>

Исключить возможности для спекулянтов.

Организации к[онтр]р[еволюционной], националистической там не было. Надо почистить город и Грузию от бездельников и спекулянтов на идеол[огическом] фронте, активных выловить, наказать виновных.

Разъяснять, убеждать»<sup>1</sup>.

Хрущев не знал, что в это время и именно под влиянием мартовских волнений 1956 г. в Грузии формировалась молодежная подпольная организация, в которой участвовал сын известного грузинского писателя, будущий диссидент Звиад Гамсахурдия - в конце 1980-х гг. лидер движения за отделение республики от СССР, первый президент независимой Грузии, впоследствии свергнутый и убитый. Из материалов надзорного производства Прокуратуры СССР по делу З.К.Гамсахурдии, А.А.Микадзе, Т.Т.Гунджуа и В.В.Сихаруладзе видно, что еще раньше между ними шли разговоры о создании нелегальной группы. Но к активным действиям подтолкнули именно события 5-9 марта 1956 г. Можно даже предположить, что среди «неизвестных молодых людей», пытавшихся руководить событиями в городе, были члены и этой группы. Вскоре после мартовского расстрела Гамсахурдия «вновь поставил вопрос ... о ведении нелегальной антисоветской работы», а «целью наметили» - создание самостоятельного грузинского

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д4442. Л.155-157 (ч.2 отдельной пагинации)

государства. Так что молодые люди вполне могли быть и авторами листовок об отделении Грузии от СССР на Колхозной площади Тбилиси.

Организационное собрание состоялось в июле 1956 г. на квартире Гамсахурдии. Решили добиваться увеличения числа участников, «установить связь с теми лицами, которые входят в другие нелегальные группы», а на собранные деньги приобрести пишущую машинку. В ночь с 1 на второе декабря 1956 года группа Гамсахурдии распространила на улицах Тбилиси листовку, в которой, напомнив о мартовском расстреле 1956 г., подавлении восстания гурийских крестьян в 1924 г., репрессиях 30-х гг., вводе советских войск в Венгрию, призывала к изгнанию «русских оккупантов» и «предателей - грузинских коммунистов»<sup>2</sup>.

О существовании других нелегальных групп нам ничего неизвестно, что, впрочем, не значит, что их не было совсем. Достоверно зафиксировано несколько случаев распространения (или попыток распространения) листовок и анонимных писем, прямо или косвенно откликавшихся на события в Тбилиси<sup>3</sup>. Известен также случай спонтанного выступления молодежи Тбилиси на месте кровавых событий - на проспекте Руставели у дома связи. По спецсообщению МВД Грузии в МВД СССР, 3 октября 1956 г. группа студентов (25 человек) выпила по случаю стипендии в клубе им.Ворошилова. После этого они дошли до здания дома связи, остановились на ступенях, установили глиняный горшок с цветами и запели любимую песню Сталина «Гапринди шао мерцхало». Требованию заместителя начальника городского управления милиции разойтись студенты не подчинились и запели еще громче. 15 человек были задержаны милицией. Остальные разбежались. Ночью (в присутствии родителей задержанных) были составлены административные протоколы о нарушении общественного порядка, и молодые люди в сопровождении родных были отпущены по домам. Начальник городского управления милиции попытался «прикрыть» студентов, не дал делу хода и не доложил о происшествии руководству МВД Грузии. Когда же о событиях у дома связи стало

---

<sup>1</sup> Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.133-134.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 77022. Л. 6, 20-24

<sup>3</sup> См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.82494; Оп..36. Д.7241; Оп.31. Д.83274, 72058, 82683

известно милицейскому руководству республики, был отдан приказ о «выявлении организаторов данного происшествия»<sup>1</sup>. История в конце концов дошла до ЦК КПСС<sup>2</sup>.

В марте 1957 г. произошло некое «хулиганское нападение на студентов русской национальности Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта». Именно в такой формулировке этот вопрос был поставлен на заседании Президиума ЦК КПСС. В доступном нам тексте протокола больше ничего нет:

«ЦК Грузии сказать.

С[екретаря]ту поручить подумать.

Ограничиться обменом мнениями.

В протокол не записывать»<sup>3</sup>. Очевидно, речь снова шла о проявлении грузинского национализма, который продолжали упорно отрицать партийные руководители Грузии.

События в Грузии были лишь наиболее болезненной (в силу отягощенности национальным фактором) реакцией общества на умирание великого сталинского мифа, страшным концом страшной эпохи. Разоблачение Сталина психологически обезоружило наиболее преданных и фанатических сторонников режима - на их нерассуждающей преданности, так же как и на тотальном насилии держалась сталинская система. Великий святой оказался великим дьяволом. Но его развенчание было построено не по законам мифа - не было «падшего ангела», превратившегося в Сатану. Для преданных почитателей Вождя оскорбительным и невыносимым было не низвержение кумира, в этом еще можно было бы найти некое потустороннее величие, а простота и обыденность, с которыми оно совершилось. Сталин оказался простым смертным, но это означало, что теряла смысл вся мессианская проповедь мирового коммунизма. Жертвы становились бессмысленными, жестокость - неоправданной, жизнь - потраченной напрасно. На место великого и страшного вождя пришел лысый толстяк Хрущев. К нему можно было относиться, как к равному, его можно было

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.4442. Л.156-157 (ч.2 отдельной пагинации) \*)

2 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.4442. Между Л.155 и 156 (ч.2 отдельной пагинации) \*)

3 Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.233.

ругать и поносить как обычного человека - не так, как проклинают и наказывают своих идолов язычники, не так как проклинали антихриста Сталина его враги.

Идейно-психологический кризис, который пережило общество в результате половинчатых разоблачений Сталина, а кульминацией этого кризиса были волнения в Грузии, насторожила коммунистических олигархов. Они поняли, что полное развенчание мифа будет означать и полную потерю легитимности режима, обесценение всех его реальных и мнимых достижений. «Переоценка» роли и значения Сталина началась слишком быстро. Массовое сознание и даже привыкшие «колебаться вместе с генеральной линией» партийные функционеры растерялись. События в Тбилиси стали сигналом власти. Если идеологические устои режима и способны были выдержать разоблачение сталинских преступлений, то легитимность нового лидера страны - Хрущева - явно оказалась под вопросом.

Хрущев сигнал понял - до 1961 г. (XXII съезд КПСС) официальная критика Вождя отличалась заметной умеренностью. Были сохранены многие «сталинские» названия - городов, улиц, площадей, поселков, колхозов. Тело Сталина осталось в мавзолее вместе с Лениным, что имело бесспорный символический смысл. Сталина как бы постепенно «выдавливали» из массового сознания, но на его месте уже невозможно было представить никого другого. Время фанатической веры в коммунистических кумиров и идолов прошло. Можно было возродить ритуалы и заклинания, но никто уже не воспринял бы их всерьез. Миф умирал, «великая коммунистическая мечта» оборачивалась фикцией. Система переставала работать. Попытки Хрущева мобилизовать народ на «новые исторические свершения» - «строительство коммунизма за 20 лет» (а «программа строительства коммунизма» была принята одновременно с новой атакой Хрущева на Сталина в 1961 г.) уже не были ни мифом, ни великой утопией - они были наивным обманом «начальников», который народ, «живущий повседневностью», многозначительно проигнорировал. Фанатичных сторонников Хрущева не было, его отставка стала будничным делом, которая никого не взволновала и не задела, а некоторых обрадовала настолько, что они

снова принялись писать анонимные письма в «инстанции» с руганью в адрес свергнутого «Никиты». Эпоха вождей, великих и страшных, закончилась.

Стихийная мобилизация толп под знаменами поверженного кумира ушедшей эпохи оказалась кратковременной и осторожной. Большинство здравомыслящих людей, затянутых в воронку массовых беспорядков в Тбилиси, испытали страх и желание уйти в сторону. Некоторые почувствовали, что их иллюзиями и политическими страстями пытаются манипулировать. Делалось это либо в узко политических целях - заставить Хрущева «притормозить», чтобы сохранить остатки коммунистической легитимности, либо для того, чтобы переключить «культ личности» на «культ нации». Аппеляция к национализму, сама по себе превратившая имя Сталина из символа коммунизма, в символ оскорбленного национального чувства, была симптомом будущего кризиса «советской империи» - не в меньшей степени, чем уже начавшегося кризиса «русского коммунизма».

Кульминация этих кризисов и их катастрофическая развязка были еще далеко впереди.